

5. Мельников Г.П. Сущность предикации и способы ее языкового выражения // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М.: Наука, 1969.
6. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
7. Прибрам К. Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. – М.: Прогресс, 1975. – 463 с.
8. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж, 1973. – 220 с.
9. Сергеева В.И. Сентенциональные единицы языка в их отношении к мышлению. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1990. – 65 с.
10. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С.151–169.
11. Стеблин-Каменский М.Л. Спорное в языкознании. – Л., 1974. – 144 с.
12. Степанов Ю.С. Гипотеза в современной лингвистике.–М.: Наука, 1980.–384 с.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
14. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика – М.: Прогресс, 1981. – С.369–495.

УДК 81'255.2

Н.А. Ермолина

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЩЕНИЙ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Рассматриваются переводческие трудности, вызванные несовпадением традиций употребления обращений в русском и английском языках. Приводятся примеры текстов, в которых обращения являются смыслообразующим средством, и анализируются варианты их перевода на другой язык.

Ключевые слова: актуализация, смысл, перевод, обращение.

Анализируя переводы художественных текстов, мы нередко встречаемся с неудачными переводческими решениями, обусловленными языковыми и культурологическими особенностями текста оригинала. Разграничивая эти особенности, мы, тем не менее, сфокусировались в своей работе на тех случаях, когда переводческие трудности вызываются употреблением в художественном тексте языковых единиц, перевод которых оказывается проблематичным одновременно как с лингвистической, так и с культурологической точки зрения. К таким единицам относятся, например, обращения, сложность перевода которых во многом связана с их конвенциональной, культурно специфичной природой. Обращение в системе языка может быть детально описано лингвистами, однако реальное его функционирование в речи (и в переводе) – предмет исследования не только языковедов, но и культурологов, поскольку способы адресации закреплены в каждой культуре и различаются между собой. Например, для английской лингвокультуры характерно использование «вежливых» обращений (Miss, Madam, Sir), которые также называются «отрицательно вежливыми». Под этим подразумевается, что функция этих обращений состоит не только в выражении вежливости, но и в отдалении, дистанцировании от собеседника. В культурологии было давно подмечено, что англичане в представлении носителей других культур характеризуются замкнутостью, отстраненностью от собеседника, «излишней» официальностью. Таким образом, ес-

тественная для англичан вежливость и церемонность для представителей, например, русской культуры, выступает «отрицательной» чертой английского народа. В противоположность англичанам, сами русские отличаются «сердечностью», «радушностью», в общении они скорее нацелены на сближение с собеседником, чем на отстранение от него. Именно поэтому в обыденной речи русские будут отдавать предпочтение обращениям, сокращающим социальную дистанцию [1: 15–17].

Рассматривая культурную составляющую обращений, мы не можем не отметить корреляции выражаемой ими «коммуникативной дистанции» и «предельных понятий культуры», как их описывают исследовательницы Т.Н. Снитко и Е.Ф. Нечаева. Под «предельным понятием культуры» Т.Н. Снитко подразумевает «наивысшую, максимальную степень абстрагирования, достигаемую мышлением в попытке осмысления мира» [3: 3]. Е.Ф. Нечаева также отмечает, что «предельные понятия являются базовыми для культуры в том смысле, что своей природой они указывают на основной тип присущего ей мышления» [2: 64]. Все эти определения, на наш взгляд, подходят для закрепленной в культуре «коммуникативной дистанции», которая в речи выражается с помощью местоимений второго лица и обращений.

При этом в художественном тексте на особенности конвенционального употребления обращений накладывается также авторская интенция, вследствие чего выбор обращений приобретает больший смысл. Н.Ю. Шведова утверждает, что в поэтической речи функциональные нагрузки на обращение увеличиваются по сравнению с устной диалогической речью. По мнению Н.Ю. Шведовой, «в поэтической речи обращение может водить основную тему, называть тот предмет, которому посвящено последующее повествование. Это обозначение обычно является развернутым, предмет не только называется, но и определяется, характеризуется... Сохраняя функцию названия того, к кому адресована речь, обращение в художественной, поэтической речи часто сосредоточивает в себе центральную часть сообщения» [5: 165–166]. Аналогичного мнения придерживается и автор работы [4], заявляющий, что «в литературной речи обращения часто делаются эстетическим или риторическим центром стихотворного текста, вбирает в себя максимум мысли и чувства автора, являясь средством поэтической характеристики референта сообщения или адресата («Мой первый друг! Мой друг бесценный!», «Надменный, кто тебя подвигнул?»))» [Ор. cit.: 14]. Поэтому исследователь, анализируя употребление обращений в художественном тексте, говорит о «текстообразующих функциях обращения» [Ор. cit.: 15].

Поскольку традиции употребления обращений в разных культурах различны, переводчики нередко сталкиваются с вызванными этим переводческими трудностями (актуализацией обращений в переводе). В целом, при переводе обращений, мы можем выделить три группы переводческих решений:

1) переводчик может дословно воспроизвести обращение в переводе, в результате чего будет прослеживаться «неестественность» текста;

2) переводчик может заменить конвенциональные обращения языка оригинала на обращения, выполняющие в культуре перевода аналогичную функцию, и адаптировать перевод к принимающей культуре;

3) переводчик не может подобрать адекватный вариант перевода в связи с тем, что его в принципе нет: явления культуры оригинала и перевода настолько различны, что никоим образом не коррелируют друг с другом.

Первую группу переводческих решений можно проиллюстрировать следующим примером. В рассказе М. Булгакова «Собачье сердце» Шариков обращается к профессору Преображенскому следующим образом:

«Что-то вы меня, папаша, больно утесняете, - плаксиво выговорил человек.

Филипп Филиппович покраснел, очки сверкнули.

- Кто это тут вам папаша? Что это за фамильярности? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня по имени и отчеству!»

Этот фрагмент был переведен следующим образом:

'Don't be so hard on me, Dad,' the man suddenly said in a tearful whine.

Philip Philipovich turned red and his spectacles flashed.

"Why are you calling me "Dad"? What impertinent familiarity! I never want to hear that word again! You will address me by my name and patronymic!"

В данном случае русское существительное *папаша* приобретает негативную окраску благодаря суффиксу, указывающему на фамильярное отношение говорящего к адресату. Английское *dad* не обладает такой коннотацией, оно лишено переносного смысла фамильярности и употребляется как термин родства в прямом значении. Следовательно, в рассказе это обращение не будет воспринято как оскорбление. Скорее, оно порождает ощущение «неестественности» из области «так не говорят». Однако помимо этого неудачного эффекта, перед нами налицо искажение смысла, ведь если мы не воспринимаем *dad* как оскорбление, нам вообще непонятно, из-за чего так рассердился профессор Преображенский. Если не сравнивать перевод с оригиналом, а читать его как самостоятельный текст, обращение *dad* в каком-то смысле закономерно: профессор Преображенский создал Шарикова, и с этой точки зрения, является его отцом. В данном случае переводу оказывает сопротивление флективное богатство русского языка, когда суффиксы имен существительных используются для выражения эмоций говорящего.

Вторую группу переводческих решений (замены конвенциональных обращений) может проиллюстрировать удачный, на наш взгляд, вариант перевода, взятый из того же произведения. Рассмотрим отрывок из диалога, состоявшегося между профессором Преображенским и его пациентом:

« Хи-хи! Вы маг и чародей, профессор, - сконфуженно вымолвил он.

- Снимайте штаны, голубчик, - скомандовал Филипп Филиппович и поднялся».

Здесь мы видим, что обращение *голубчик* выполняет вполне конвенциональную функцию ласкового обращения врача к пациенту. Точно также в русской лингвокультуре функционирует и обращение *голубушка* применительно к лицам женского пола. Поэтому здесь переводчик вполне обоснованно отказывается от дословного перевода и заменяет обращение *голубчик* на конвенциональное обращение, характерное для английской лингвокультуры:

'You're a wizard, a magician, professor!' he said bashfully.

'Take down your trousers, old man,' ordered Philip Philipovich and stood up.

Как нам кажется, это обращение вполне соответствует описываемой ситуации, поскольку в англоязычной культуре словосочетание *old man* давно функционирует как некое фразеологическое единство. Составные части этого выражения утратили свое прямое лексическое значение, и обращение приобрело значительную степень конвенциональности.

Однако самая интересная ситуация (третья группа переводов) складывается тогда, когда обращение из текста оригинала в принципе не может быть переведен на другой язык. Это происходит в случае различия в разных культурах социального статуса, на который указывает обращение. В переводе переводчику необходимо передать социальные коннотации, которые лингвокультуре перевода вообще могут быть чуждыми. Например, в советское время в России «советская культура» («культура пролетариата») противопоставлялась «культуре буржуазии», что неизбежно находило свое отражение в текстах того периода. В рассказе «Собачье сердце» М. Булгакова мы наблюдаем конфликт обращений, отражающий конфликт между различными слоями общества, применительно к которым эти обращения применяются. Когда представители домоуправления приходят к профессору Преображенскому, обращения, которые они выбирают по отношению друг к другу, характеризуют их принципиально различные жизненные позиции. Автор использует всего несколько слов, чтобы создать в тексте конфликтную ситуацию:

*«Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, - перебил его наста-
вительно Филипп Филиппович...
- Во-первых, мы не господа, - молвил, наконец, самый юный из четверых, персико-
вого вида...»*

Немного ниже мы видим аналогичный фрагмент:

*«В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь,
прошу снять ваш головной убор....
- Я вам не милостивый государь, - резко заявил блондин, снимая папаху».*

Здесь отчетливо прослеживается, казалось бы, парадоксальная ситуация: вежливые формы обращения *господа* и *милостивый государь*, которые в царской России воспринимались бы вполне адекватно, в советское время превращаются в оскорбления. Со сменой режима изменились и коннотации обращений. Следовательно, на лицо конфликт культур, который для правильной интерпретации текста просто необходимо воспроизвести в переводе.

*'You ought not to go out in this weather without wearing galoshes, gentlemen,' Phi-
lip Philipovich interrupted in a schoolmasterish voice.
- Firstly, we are not gentlemen...''*

Во втором случае мы видим:

*“In that case you may leave your cap on, but I must ask you, my dear sir, to remove
your headgear....
-I am not your dear sir....”*

Приведенные примеры интересны потому, что вполне правильный с лексической точки зрения перевод обращений не способствует выполнению ими своей функции в тексте: в английской культуре за обращениями *gentlemen* и *my dear sir* не закреплено отрицательной оценки, они до сих пор продолжают использоваться в качестве общепринятых вежливых форм. Здесь необходимо отметить, что никакие другие варианты перевода также не смогли бы компенсировать утраченные смыслы оригинала, поскольку английский читатель, если и знает о советском периоде истории России, тем не менее, не способен угадать влияние советской идеологии на общий уклад жизни того времени, и в частности, на нормы обращений. Поэтому «вина» переводчика в этом случае заключается не в том, что он прибегнул к дословному переводу, а, скорее, в том, что он не дал в сноске переводческо-

го комментария, который пролил бы свет на конфликт в рассказе. Без объяснения ситуации англоязычный читатель просто лишается инструмента анализа текста, поскольку в английском языке обращения *gentlemen* и *comrades*, различаясь по стилю и сферам использования, все же не находятся в столь четкой коннотативной оппозиции, как обращения *господа* и *товарищи* в советский период.

Таким образом, несовпадение традиций обращения в разных лингвокультурах может вызывать серьезные затруднения при переводе художественных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
2. Нечаева Е.Ф. Концепт «обладание» как предельное понятие во французской и русской лингвокультурах : дис. канд. ... фил. наук. – Тверь, 2008. – 174 с.
3. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. – Пятигорск: Пятигорск. гос. лингвистич. ун-т, 1999. –156 с.
4. Фуад Али Нажва. Семантические функции обращения в поэтической речи. – М: Гос. ин-т рус. языка им. А.С. Пушкина. – 2009. – 154 с.
5. Шведова Н.Ю. Русская грамматика.– М.: Наука, 1980. – Т. 2.

УДК 81'23:159.955.2

М.С. Кислова

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И НАУЧНЫЕ КАТЕГОРИИ: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, РОЛЬ В ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена сравнительному анализу естественных и научных категорий как продуктов познавательной деятельности. Анализируются и сопоставляются их структурные и функциональные особенности. Рассматривается роль естественных и научных категорий в процессе познания окружающего мира. Затрагивается динамический аспект проблемы категоризации.

Ключевые слова: естественные категории, научные категории, обыденное познание, научное познание, образ мира, динамика.

Процесс познания человеком окружающего мира непрерывен. Мы начинаем познавать мир с момента рождения и продолжаем делать это на протяжении всей жизни. В русле гуманитарного знания выделяются два основных вида познания мира человеком: познание *обыденное*, или *житейское*, и познание *научное*, или *рациональное* [1: 12]. Ведущим видом познания служит обыденное (житейское) познание, поскольку оно способствует вписыванию индивида в окружающую его социальную и культурную среду, обеспечивая формирование у человека функциональных ориентиров, помогающих ему жить и действовать адекватно реальностям этого мира. Научное познание базируется на обыденном познании и находится в тесном взаимодействии с ним [1: 13]. Важным является то, что ни обыденное, ни научное познание мира невозможно вне способности человека к категоризации, поскольку категоризация – это основной способ фиксации знаний о мире.

Способность к категоризации является фундаментальным свойством человеческого сознания, лежащим в основе познавательной деятельности. Категоризация представляет собой процесс отнесения идентифицируемого предмета или явления